

Глава 3

КРЮКОВЩИНА

апрель – июнь 1942 г.

Итак, отряд Храпко, получив «независимость», в первых числах апреля 1942 г. перебрался в Глуский район и разместился в Козловичском лесу, недалеко от деревни Крюковщина.

Апрель. У каждой весны свои приметы. Нынешняя как никогда поздня, неприветливая. Днём пригревало солнце, образовывались капли. Но снег еще держался. По вечерам подмораживало, сковывало землю, насканивал сырой, пронизывающий ветер, и тогда было холодно.

Партизаны в шалашах замерзали, а костров нельзя было разжигать – «на огонёк» могла налететь «вражья стая».

От такой жизни вспыхивали болезни: воспаление легких, брюшной тиф, сыпняк, фурункулёз. В нормальных условиях, при наличии необходимых медикаментов, заболевания эти были не так уж и опасны. Но у партизан не было даже самого необходимого.

– Ещё немного – и весь отряд может оказаться выведенным из строя, – высказал командир комиссару то, о чём думал и днём и ночью. – А ведь многого не надо – только тепло и медикаменты.

– А что если перебраться всем отрядом в Крюковщину? На месяц, два, и за это время подготовить тёплые и удобные землянки, – ответил командиру конструктивным предложением комиссар (после того, как тщательно обследовал каждый шалаш).

– Не хотелось бы, комиссар, теснить селян. У них и так, без нас, проблем хватает.

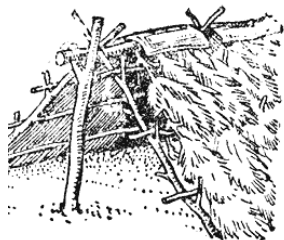
– Согласен. Но мы же не будем нахлебниками. Мы и сами поможем селянам.

Другого выхода ни тот, ни другой не видели и решили просить сельчан принять гостей.

НА ПОСТОЙ

Жители Крюковщины охотно предоставили свои хаты партизанам. В окрестных деревнях отряд выставил заслоны, перекрывшие подступы к Крюковщине. В более удалённых вражеских гарнизонах стала налаживаться агентурная разведка.

На окраине деревни стояла пустующая хата, в ней партизаны отремонтировали печь и разместили всех больных тифом.

Фельдшер Надя Сакович знала: раненого и больного охватывает нестерпимое желание, как можно поскорее вылечиться и вернуться в строй. А как лечить, если нет медикаментов? Надя обратилась к местным жителям – они-то широко используют местные лечебные травы. И стали бабы да девчата приносить раненым марлю, вату и белый холст для перевязки, лекарственные травы. Из трав Надя готовила отвары от простуды и ревматизма, для примочек и остановки кровотечения, от зубной боли и ангины, против желудочно-кишечных заболеваний. Из березовых почек делала ранозаживляющую настойку – вместо йода.

А вскоре бобруйские подпольщики стали доставлять в отряд лекарства и перевязочные средства – и стало легче.

ОТРЯД РАСТЁТ

Почти ежедневно приходили люди – просились в отряд.

Голодов с бойцами-разведчиками (разведчиков комиссар называл своими пропагандистами и агитаторами среди населения) провели необходимую агитационную работу, и в течение первого месяца пришло более десятка человек, и что важно – почти все со своим оружием (в этом была соль агитации).

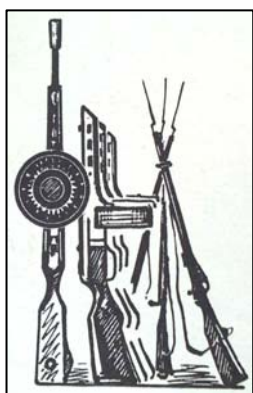
Позже, узнав о существовании отряда Храпко, стали проситься молодёжные группы из разных селений.¹

Группа Марины Храпко

Однажды к Крюковщине подошли четверо неизвестных, вооруженных винтовками: хотят, мол, вступить в отряд. Их представили начальнику штаба Сыроквашину.

Из группы вышла вперёд невысокая лет двадцати семи женщина:

– Я – Марина Храпко, а это: Никита Храпко, Иван Порошин, Сергей Мишура. Мы партизаны, отставшие от отряда Балахонова, решили пока примкнуть к вашему отряду.

Марина Ивановна Храпко, однофамилица командира отряда, родилась и выросла в крестьянской семье в деревне Желвинец, что на Глущине. В тридцатых годах вступила в комсомол. Была письмоноском, заведовала избой-читальней, работала в Глуском райком комсомола заведующей орготделом. За год до войны вступила в партию. Война застала на посту инспектора отдела народного образования. Когда враг приближался к Глуску, райком поручил Марине собрать городской актив для эвакуации. Но транспорт по какой-то причине задержался. А затем налетела немецкая авиация... Марина с людьми отправилась пешком. Но под Мозырем путь им перерезала механизированная колонна немцев.

Вернувшись в Желвинец, Марина создала подпольную группу, устроила в местную управу своих людей.

А в начале декабря в селе появился Максим Царик, бывший «первый парень» в Желвинце, а теперь партизан из группы Балахонова. (Его несколько лет назад всем селом провожали в военное училище, затем он стал лейтенантом-артиллеристом, а началась война – «окруженцем».) В серой

¹ Если отряд подолгу задерживался в одном месте, то он «обрастал» местными жителями – и этому росту, разумеется, был предел. Если же отряд вёл «рейдовую» жизнь, то пополнение шло «ручейками» из мест, мимо которых отряд проходил – и рост был бесперывным.

шапке с красной лентой наискось, в коротком, подпоясанном командирским ремнем полушубке, с пистолетом на правом боку и карабином за спиной, Царик теперь пуще прежнего мог претендовать на роль первого – теперь уже партизана.

– Ну, что ж, земляки? Поздравляю: Красная Армия разгромила крупную группировку немецких войск под Москвой!

Раздались ликующие возгласы...

Царик продолжал:

– Расскажите об этом мужикам и бабам. Я очень рад за вас, подпольщиков. Двадцать человек – сила! Понимаю, вам здесь трудно. Но и нам, партизанам, нелегко: приходится биться с карателями и полициями, а то и с армейскими частями.

– Максим, а нам можно в партизаны? – спросили подпольщики. – Ну что мы тут отираемся. Хочется бить эту сволочь.

– Конечно, можно, – улыбнулся Царик. – Балахонов на вас-то и рассчитывает. Но... Вам надо выполнить еще одно важное задание. Немцы хотят из числа местных жителей создать полицию. Вступите в неё, получите оружие и тогда – просим к нам. Приходите на станцию Ратмировичи, мы с радостью вас примем...

В этот день подпольщики Желвинца передали в отряд Балахонова ручной пулемёт, четырнадцать винтовок и много патронов. Вместе с саями и конем.

Но на исходе января – провал! Подпольщики расстреляли трёх предателей, но один из них чудом остался жив, сбежал. Нависла угроза ареста.

Марина, не теряя ни минуты, собрала и привела свою группу подпольщиков к Балахонову.

А в конце марта группа Марина Храпко была послана Балахоновым в разведку. Узнав, что в Октябрьский район отправилась карательная экспедиция, разведчики тут же вернулись к месту дислокации своего отряда. Но балахоновцы уже ушли в Осиповичский район...

Хотя и было заведено не принимать партизан другого отряда без согласия его командира, Николай Борисович, учитывая сложившуюся ситуацию, согласился зачислить группу Марины Храпко в свой отряд.

Группа Марии Болбас

Узнав, что в отряде вместо Балахонова новый командир, из Слободки пришла Мария Болбас. Обговорить с Храпко приход в отряд своей подпольной группы: ведь Балахонов не так давно обещал ей принять их в отряд.

– Садись, Мария. Я много слышал о тебе и от Балахонова, и от Щербича. Очень хвалили тебя. Молодец! Ну, рассказывай, как живёте, как воюете, – стал интересоваться Николай Борисович, усадив девушку перед собой.

– Организационно группа оформилась ещё в августе прошлого года. Сейчас нас 15 человек. Вооружение: один пулемёт, три винтовки, шесть пистолетов и с десятка два гранат. Есть радиоприемник – записываем московские сводки и сообщаем людям правду о положении на фронте... Но я, товарищ командир, пришла не затем, чтобы рассказывать о наших делах, а затем, чтобы просить вас принять нас всех к себе в отряд.

– Ишь, какая скорая! – улыбнулся Храпко.

– Но Балахонов обещал нас взять в отряд. А теперь...

– Да разве можно вас не принять?! Принимаем! Но... Понимаешь, Мария... Вам пока нельзя уходить из деревни, и вот почему. Слободка очень близка к Брожскому гарнизону, а нам этот гарнизон надо разбить. Разведайте численность, вооружение, огневые точки. Будьте нашими глазами и ушами там. Обо всём важном сообщай через связных. Ну, а если что... тогда непременно уходите из Слободки к нам. Договорились?!

Мария села в сани. Партизан Виктор Пелагейко стеганул вожжами лошадей. У Марии на душе стало спокойнее: здесь, в отряде Храпко, о них, подпольщиках из Слободки, знают, готовы принять к себе в любое время. *«В общем, можно считать, что мы уже в отряде, только... выполняем специальное задание».*

Дора Шпаковская

Несколько позже, на первомайском празднике, к Храпко подошла высокая и прямо-таки богатырского сложения женщина лет двадцатипяти. Лицо строгое, круто свинутые брови, черные глаза пронизывали насквозь.

– Возьмите меня в отряд!

– Кто вы? – немного строговато спросил командир.

– Я – медик Дора Шпаковская. Я из этих мест, из поселка Городок. До войны работала операционной сестрой в Бобруйской больнице. С приходом немцев ушла в Рудобелку. Там вступила в отряд Павловского. А недавно узнала о вашем отряде и решила перебраться поближе к родным местам. Павловский не возражает.

– Ну, раз Павловский не возражает, то я тем более. Кого-кого, а медика я всегда возьму. Идите в распоряжение фельдшера Нади Сакович.

И ещё были помощники у партизан – местные мальчишки. Они вертелись вокруг бойцов, готовые выполнить любую просьбу, любое задание. И надо было видеть счастливые лица детворы, когда им удавалось чем-то помочь партизанам, будь то найденная граната или ящик с патронами!

РАСКОЛЫ И РАСКОЛЬНИКИ

Не нравились бывшим «окруженцам» сугубо «партизанские» принципы управления: «всякую там выборность – отменить», «армейские звания и ранги – в расчет не принимать», «командир – тот, кто занимает должность». Сначала молчали, «пережёвывая», а потом то в одном, то в другом отряде загнанное внутрь недовольство стало прорываться наружу, иногда перерастая в конфликт.

В «нашем» отряде более того! – командиром стал человек, который до войны ни разу не держал в руках оружия и даже по состоянию здоровья был вовсе снят с воинского учета. Такое пережить военному человеку было трудновато...

Прошло немного времени, и начались у Храпко трения с кадровыми военными. Ну не видели бывшие лейтенанты, капитаны и майоры (и даже сержанты) в нём ничего командирского! Хотя и отмечали наличие незаурядного организаторского таланта.

Некоторые из «окруженцев» начали «совещаться»: а не сместить ли командира и поставить военного человека? Или не лучше ли просто уйти грушой и создать отдельный отряд?

А Химичев, тот вообще настаивал: всему отряду надо идти к линии фронта, перейти её и влиться в Красную Армию. Ему возражал Голодов: это нереально, авантюра. Тогда Химичев заявил, что Храпко как гражданское лицо не должен быть командиром и предложил в командиры пехотного капитана-окруженца. В общем, «бунт на корабле»!

Дошло до того, что Голодов вырвал из рук Химичева карабин, грозился расстрелять раскольника. За Химичева вступились другие «окруженцы», это и спасло его от расправы.

Ночью Иван Химичев ушёл из отряда вместе с Романом Ивановым и Алексеем Кудашевым – кадровыми военными и товарищами по бобруйскому подполью.

«Раскольники» попытались уйти за линию фронта, но это им не удалось. Значит, судьба их здесь, в лесах и болотах Полеся. Остались сначала отдельной группой, затем отдельным отрядом.

Подобные «расколы» не редкость в партизанском движении. По большому счёту они способствовали как улучшению психологического климата в отрядах, так и расширению самого партизанского движения. Из «раскола», например, родился сосед – «отряд Виктора», который вырастет в целую бригаду, а сам командир – Виктор Ильич Ливенцев – станет Героем Советского Союза.

После ухода группы Химичева, Храпко стал ещё больше доверять Голодову, передал ему часть своих командирских полномочий. Голодов же совместно с начштаба Сыроквапшиным ввёл в отряде жесточайшую дисциплину: за малейший проступок бойца могли расстрелять.

Поговаривали в отряде, что Храпко не любил окруженцев. Да, нередко, беседуя с очередным «окруженцем», командир мог позволить себе сказать так: «А если завтра война, если завтра в поход?! Фронт прос...ли! А нам, пахарям, теперь отдуваться?!»

Однако не всё было так однозначно. Храпко различал две категории окруженцев. Одно дело, если человек ещё в июле-сентябре 41-го вступил в партизанскую или подпольную группу и оттуда уже пришёл в отряд. Другое дело, если он «неизвестно где» (на печи?) отсиживался, выжидая «кто кого», и спохватился только тогда, когда немцев хорошенько тряхнули под

Москвой. Вот таких, последних, Храпко не любил, опасался, требовал тщательно проверять, и чуть что – к расстрелу!

Окруженцы будут приходить еще целый год, и чем дальше от 41-го, тем жёстче были требования командира к ним.

ЧТО ЕСТЬ БУДЕМ?

Но вот весенние ветры согнали с полей последний снег, солнце подсушило сырую землю – и настоящая весна вступила в свои права.

Крестьяне приступили к проведению весеннего сева. Партизаны помогали: давали сельчанам лошадей, сами ходили за плугом, засеивали землю.

Заготовку продуктов у населения отряд проводил только в случае крайней нужды. Крестьяне охотно делились с ними, своими защитниками, всем, чем только могли.

Часть своей потребности в хлебе и других продуктах отряд удовлетворял, нападая из засад на оккупантов и отбивая обозы с хлебом и гурты скота.

Однажды разведчик Иван Ледян через Марию Болбас сообщил в отряд: завтра утром немцы из Орсич погонят в Глуск гурт скота, отнятого у населения.

Сыроквашин склонился над картой, прошёлся по ней карандашом, поднял глаза и сказал:

– Так! Они погонят скот по шляху Козловичи – Глуск. Но к этому шляху им надо еще идти проселочной дорогой. Предлагаю: устроить засаду в районе Незнанья. Там с одной стороны просёлочной дороги идет топкое болото, и от нашего огня им некуда будет деться.

– По-моему, Сергей Васильевич дело говорит, – поддержал Голодов начштаба.

В таких случаях, когда комиссар и начштаба, два армейца, говорят в один голос, Храпко, не раздумывая, соглашается.

В два часа ночи отряд, оставив в Крюковщине взвод хорошо вооруженных бойцов для охраны больных и раненых, двинулся в сторону Незнанья.

Через полтора часа в густых придорожных кустах, в тридцати метрах от дороги, партизаны заняли огневые позиции, приготовились встретить грабителей. Лежат, ждут.

Утренняя прохлада. Тихо: ни шороха, ни ветерка. Над кустами белесыми клубами расстилается туман.

Туман постепенно рассеивался...

Уже сияло солнце, а дорога пустовала. Все та же тишина в лесу, только стучит где-то дятел, словно отсчитывая время.

Перевалило за десять часов, а дорога всё ещё пустует.

Храпко задумался: достоверно ли сообщение Марии Болбас? Если да, то, возможно, немцы двинулись по другой дороге.

Но вот со стороны дороги стали слышны какие-то шумы. Храпко раздвинул упругие прутья кустарника. Ага! Повозка с тремя гитлеровцами... За повозкой гурт скота, а далее ещё девять повозок – по три-четыре солдата на каждой.

По цепи стали передавать: «Приготовиться к бою!»

Как только повозки поравнялись с засадой, Храпко подал команду:

– Огонь!

Все смешалось: трескотня пулемётов, винтовок, взрывы гранат, испуганный рёв коров, ржание лошадей, пронзительные вопли раненых.

Оккупанты, не ожидавшие такого дерзкого и мощного налёта, не оказали сильного сопротивления. Как пауки в банке, они беспорядочно металась на дороге. Некоторые бросились к болоту – там их и поглотила трясина.

– Да-ё-ё-шь! Круши! – партизаны бросились на уцелевших солдат...

Вся операция продолжалась не более получаса. До тридцати оккупантов нашли свою смерть здесь. Из партизан – двое ранено.

Уцелело сорок коров, восемь лошадей, их переловили и лесом отогнали в Крюковщину, там раздали жителям на временное содержание.

ПАРТИЗАНСКАЯ ЗОНА

Отряд Храпко был на полном боевом «хозрасчете»: сам назначал объект, место и время боевой операции, сам выбирал способ разгрома врага, сам подбирал средства и силы для реализации задуманного. И, конечно, сам себя кормил и одевал – с помощью местных жителей.

Постепенно, где самостоятельно, а где с помощью соседних отрядов, отряд Храпко разбил, а то и просто разогнал немецко-полицейские гарнизоны – в Зубаревичах, Зеленковичах, Козловичах, Устерхах, Макаровке, Гороховке, Хорошем, Луженцах, Римовцах, Фортунах, Степановке. В совокупности эти деревни и составили так называемую партизанскую зону.

Жители деревень партизанской зоны взяли на себя бытовое обслуживание партизан. Устраивали ночлег. Шили одежду, кофты и маскировочные халаты. Вязали рукавицы и носки. Ремонтировали обмундирование и обувь. Стирали бельё. Выращивали и выпекали хлеб. Откармливали скот. И обязательно сообщали обо всём подозрительном, особенно о передвижениях оккупантов.

А если у партизан появлялась возможность хоть чем-то помочь селянам по хозяйству, – помогали, делились. А завёлся мародер, так перед отрядом и на глазах у жителей расстреляли его.

В общем-то, партизан поддерживало большинство местного населения. Да так поддерживало, что германский имперский министр по восточным районам А. Розенберг однажды в сердцах высказался:

«В результате 23-летнего господства большевиков население Беларуси в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления не имеется ни организационных, ни персональных условий... Позитивных элементов, на которые можно было бы опереться, в Беларуси не обнаружено».

Думаю, частично объяснить это «необнаружение позитивных элементов» можно тем, что крестьяне восточных районов Белоруссии прошли определённую школу коллективизма – колхозы, и основной, суровый, урок этой школы: *всего материального, что у тебя сегодня есть, может завтра и не быть*. И потому, когда надвигалась угроза над деревней со стороны немцев и полиции, её жители могли бросить всё, и всей деревней, помогая друг другу, уйти в партизанскую зону.

Да были и «позитивные» элементы – полицаи, власовцы и прочие предатели, но не они сказали решающее слово!

Наверное, в истории войн не было случая, чтобы не было предателей. И не только во время войны, но и во всякое «смутное время».

Да зачем залезать глубоко в историю! Читатель сам, вероятно, был свидетелем такого «времени», когда на глазах разваливалась великая страна – Советский Союз. Тогда общество раскололось. Часть (небольшая) – встала на защиту своей отчизны. Другая часть (многие – с партийными билетами) «отошла на заранее подготовленные коммерческие позиции» – это «новая полиция» и «новые власовцы». Третья часть – пассивно наблюдает: кто кого? – с расчетом примкнуть к тем, кто останется.

Здесь важно: а кто скажет решающее слово?

Вот как комиссар Голодов в беседах с бойцами и селянами определял, кого считать врагом, а кого «заблудшим»:

– Немцы и их союзники, тут и без разбора ясно – враг, которого надо уничтожать, и чем быстрее и больше, тем лучше. Уничтожать надо и тех бывших наших, кто работает у немцев за паяк, льготы, возможность грабить, упиваться полученной властью над своими земляками... К немцам перешла и часть военнопленных. Перешли лишь после того, как оказались перед выбором: смерть или, выиграв время, с оружием в руках уйти к своим. Ну, это нам хорошо знакомо. Почти половина из нас побывали там. Таких людей будем принимать, но... хорошо проверять. Проверив – доверять!.. Известно, привилегии получили лица немецкого происхождения – «фольксдойче», они стали переводчиками и разного рода служащими немецких учреждений. Но не все они люто ненавидят советскую власть. Есть и такие, кто сочувствует своим бывшим землякам, сотрудничает с партизанами. И здесь надо семь раз отмерить,

прежде чем отрезать... Смотрите, что делают оккупанты: они стараются убедить наших людей в том, что, якобы, в их интересах помогать Гитлеру – победить большевизм.

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРАЗДНИК

Наступил Первомай. Ласковое солнце щедро дарило тепло. Легкий ветерок развевал алые флаги над Крюковщиной. Вывесили их комсомольцы деревни: у них сегодня большой праздник! Несколько парней принимают в партизаны: секретаря подпольной комсомольской организации Михаила Залесского, его брата Григория, Николая Хотько, Григория Корбута, Ивана Синкевича. С большой радостью хлопцы взяли в руки оружие.

На сельской площади собрались на митинг местные жители и партизаны. Бойцы выстроились в две шеренги. Впереди – новое пополнение, оно будет принимать присягу, давать клятву на верность.

Молодцевато выглядит партизанский строй: постриженные... Волнуется молодежь.

Командир отряда Храпко:

– Товарищи сельчане, партизаны и партизанки, командиры и политработники. Поздравляю вас с Днём международной солидарности трудящихся всего мира. Хотя этот праздник мы отмечаем в лихую годину, но всё же на родной земле. Земля наша стонет под сапогом гитлеровских оккупантов. Она призывает нас с вами, дорогие отцы и матери, братья и сестры, уничтожать врага. Так давайте будем сообща помогать нашей Красной Армии приближать день Победы. Под руководством родной Коммунистической партии вперёд к победе! Ура!

Трижды прокатывается над лесом «ура!»

Храпко предоставляет слово комиссару.

Голодов поздравляет сельчан и бойцов с праздником, рассказывает о положении на фронтах, о жизни на Большой земле, о героическом труде женщин и подростков на заводах и фабриках, в колхозах, об обстановке террора и насилия, которые царят на временно оккупированной земле, о развернувшейся партизанской борьбе.

– Дорогие сынки наши! – сказал невысокий седобородый старик Семен Хотько. – Спасибо вам, родные, что отстаиваете нашу советскую власть... Смерть немецким оккупантам!

Сыроквапшин подает команду:

– Отряд, рав-няй-сь! Смир-но!

Партизаны замерли. В наступившей тишине прозвучали слова клятвы:

«Я ... даю партизанскую клятву перед товарищами по оружию, что до последнего дыхания буду предан своей Родине...»

...Отряд идёт повзводно. Но песня на весь отряд одна, не строевая:

*Широка страна моя родная,
Много в ней полей, лесов и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...*

Торжественная часть праздника завершена. И тут рванула меха свои гармошка, вздрогнули струны гитары, громыхнул бубен, раздались задорные звуки «барыни». На площади образовался круг.

Инюточкин пропел звонким голосом:

*Рассытсья горох грядка на грядку.
Раздайся народ: я пойду вприсядку...*

И, заломив фуражку, пошел вприсядку.

В круг впорхнула Мария Масюк и, отбивая каблуками такт, двинулась в сторону Царика, остановилась перед ним:

*Ах, топну ногой,
Да притопну другой,
Не боюсь я фашистов:
Карабин бьет их мой!..*

Царик топнул правой, топнул левой, и вихрем закружил-ся вокруг Марии. Плясал он размашисто, с замысловатыми коленцами, лукаво подмигивая своей напарнице.

Ещё через минуту в круг вскочил Александр Жаровский, поддержал Царика.

Не удержалась Марина Храпко, восторженно крикнула:

– А ну-ка, – «Лявониху»! Да поживей!

Марина подхватила Гатальского и закружились в паре. За ними пошли ещё несколько пар. От топота ног поднималась пыль...

ОТРЯД УХОДИТ В ЛАГЕРЬ

Отряд построен в конце деревни. Напротив бойцов стоят сельчане, гостеприимные хозяева.

– Дорогие земляки! – обратился Храпко к жителям. – Спасибо вам за гостеприимство. Тяжёлыми были для нас, партизан, и для вас, наших хозяев, зима и весна. Бои, бои... Тиф. Но вот солнышко пригрело, и мы уходим в лесной лагерь. Ещё пуще будем бить врага. Мы будем недалёко, и если немцы попытаются сунуться к вам, выставим их в два счёта. Не дрогнем перед врагом, не пожалеем сил, даже жизни, чтобы защитить вас.

Куда же повёл командир отряд?

Дело в том, что в Крюковщине разместились не весь отряд, а его большая часть. На старом месте, в старых шалашах в козловичском лесу, осталась группа бойцов для обустройства собственной базы постоянной дислокации отряда. Храпко с Сыроквашиным и бывшими участниками гражданской войны Моисеем Потапенко, Василием Кабановичем и отцом командира отряда Борисом Алексеевичем Храпко нашли подходящее место: подходы к лагерю защищали густой смешанный лес, заросли колючего кустарника и с двух сторон труднопроходимые болота...

Через две недели, словно грибы после дождя, из-под земли поднялись землянки – с оконными рамами, печным отоплением. Штаб, пекарня, баня. Две землянки с деревянным полом – под санчасть: одна – операционная, вторая – для размещения раненых и больных.

Вокруг землянок выстроены буданы – большие шалашы из жердей и еловых лапок. Их кровля оригинальной конструкции. Надрезали кору толстых елей у самой земли и вверху, у того места, где начинаются сучья, затем делали разрез сверху вниз и снимали «рубашку». Распрямляли и раскладывали «рубашки» по обрешетинам из жердей. Хорошая защита от дождя и ветра! Ну а если положить сверху такой кровли еловые лапы, то и в зимнюю стужу проблем не будет.

Войдём в один из буданов. Слева и справа – отгороженное место, где бойцы спят. Цветные домотканые постилки, серые и зеленые немецкие одеяла, тулупы, ватники. В проходе можно наткнуться на толстые обгоревшие берёзовые плахи – это костры, их наскоро присыпали снегом, и они чуть тлеют. В некоторых буданах вместо костров одна-две жестяные бочки с выведенными наружу трубами.

Ложась спать, бойцы оружие ставили к задней стенке или укладывали возле себя. Пальто и сапоги снимали. Но не раздевались, а только расслабляли всё на себе. Шапку-ушанку часто оставляли на голове: зеленая стенка пропускала и мороз и ветер.

По вместимости буданы разные: на взвод и на роту. Если у командира роты была жена, то отсекали ему «персональное жилище» завесой из плащ-накидок или словых лапок.

И внутри лагеря, и по его периметру сооружения полевой фортификации: окопы, траншеи, блиндажи и пулемётные гнезда. Подступы к лагерю в труднодоступных (но всё-таки доступных!) местах минировали.²

НЕ ГОНКОЙ ВОЛКА БЬЮТ, А УЛОВКОЙ

От лагеря отряда шли невидимые стежки-дорожки к шоссейным дорогам Бобруйск – Глуск, Москва – Варшава («варшавка») и к железнодорожной магистрали Минск – Бобруйск.

Операцию за операцией проводили партизаны. Не было дня, чтобы отряд был в полном составе: две, три, а то и более групп – «на задании».

Уловка Шваякова

5 мая 1942 г. немецкое подразделение совместно с брожской полицией – всего 220 человек – подошли скрытно к расположению отрядов Храпко и Шваякова. Отряд Шваякова был первым на пути.

² И через тридцать лет ветераны-партизаны встречались со своими буданами, будками и буданчиками. Люди постарели, а жилища – нет, они выглядели так, как если бы люди из них только что вышли. Но местные жители не очень-то навешают эти места: можно наступить на мину, что некогда охраняла лагерь; мины ещё с той поры кой-где, как сторожевые псы, дремлют.

Устин Шваяков, предупрежденный связными о замысле карателей, распорядился выставить по контуру размещения отряда чучела «партизан-часовых», а самому отряду – залечь в засаде на некотором удалении позади «часовых».

Каратели, приблизившись к чучелам, бросились в атаку... Но, пробежав метров пятьдесят, попали под губительный огонь партизан.

Брожский гарнизон потерял одиннадцать немцев и полицейских. В отряде Шваякова тогда погиб Василий Зозорев, до войны работавший начальником пожарной команды в Глуске.

Засада на дороге Качай-Болото–Протасы

Взвод лейтенанта Кучугуры рано на рассвете засел у опушки леса возле дороги Качай-Болото (ныне Рассвет)–Протасы. По этой дороге оккупанты часто наезжали в деревни, отбирая у населения продовольствие.

Взошло багровое солнце, рассыпало свою позолоту на кроны сосен, берез, кленов и осинников. На луку ярко вспыхнули желтые одуванчики. Легкий ветерок колышет густые верхушки леса.

На стволе сосны уселся красноголовый дятел – звонко долбит дерево.

Лежат партизаны в засаде. Николай Фалецкий следит за трудягой дятлом. Василий Попов изготавливается подкурить дымком надоедливых комаров, но его удерживает Шпрыгов: мол, не смей, – обнаружишь и себя, и нас.

Возле могучего пня лежит Борис Корн и с грустью рассказывает о Москве, где живут его родные, о своем детстве и юности, о любимой девушке...

Но вот дозорный Дмитрий Дроздов подал сигнал: «немцы!».

Прошло ещё около получаса, и мимо засады по дороге в колонну по три медленно идут немцы. Всего их более сотни. Это в четыре раза больше, чем партизан.

Идут без разведки и бокового охранения. Унтер-офицер играет на губной гармонике, ему подсвистывает длинный солдат.

Нервы партизан натянуты как струны.

Раздаётся пронзительный свист Кучугуры – и длинные пулемётные очереди сливаются со шквальным ружейным огнем всего взвода.

Падает, как подкошенная, вся первая шеренга. За ней – вторая. Колонна становится неуправляемой, часть ее отпрянула назад, часть залегла, часть безумно идет под партизанские пули...

Тощий штурмбанфюрер пытается остановить бегство солдат, угрожая пистолетом. Борис Корн никак не может поймать на мушку прицела снайперской винтовки офицера: слишком судорожно тот мечется.

Но вот гитлеровцы начинают выходить из шока, вызванного внезапно партизанского нападения, налаживают организованное сопротивление и с гортанным криком бросаются в атаку.

Корну, наконец, удаётся поймать офицера в прицел. Выстрел – и офицер, как будто споткнувшись, втыкается лицом в землю. Бежавшие за ним солдаты залегли.

Через некоторое время немцы начинают приходить в себя, их огонь становится интенсивнее и прицельнее. И вот они уже начинают отрезать партизанам пути отхода – обтекают с правого фланга.

Кучугура свистом подаёт сигнал к отходу.

Пулемётные и автоматные очереди слепо прошивают лес. Взвод Кучугуры отошел к Ратмировичам.

После переключки выяснилось: нет Бориса Корна и Марии Масюк.

На поиск бойцов Кучугура направляет Шпрыгова, Коломийцева и связного Булко, знающего хорошо эти места.

...Прикрывая отход товарищей, Корн и Масюк настолько увлеклись горячей боей, что не заметили, как оказались в безвыходной ситуации: впереди – болото, сзади, слева, справа – враг.

Треск автоматов становится громче. Уже различимы отдельные выкрики солдат.

Борис и Мария заскочили в густые камышовые заросли. Гнилой запах ударил в лицо. Раздвигая высокий камыш, Борис осторожно передвигался по болотистой жиже. Мария старалась ступать след в след. Чем дальше, тем больше вязли ноги. Немцы интенсивно обстреливают камыши. Но бьют наугад. Значит, есть еще шанс вырваться.

Когда слева от Марии просвистела автоматная очередь, она метнулась вправо, ноги ее вдруг стали уплывать вниз, в бездну. Ещё миг – и девушка оказалась по пояс в болотной жиже. Успела ухватиться за камыши. Дёрнулась, чтобы вырваться, но ещё глубже погрузилась. Окликнуть Бориса нельзя: немцы услышат, и тогда...

Но Борис всё-таки услышал всплеск и барахтание позади себя. «Мария!»

Бросился назад.

Так и есть: Мария в беде.

– Держись!

Борис сбросил с плеча снайперскую винтовку, быстро отстегнул от неё ремень:

– Хватай!

Кончились камыши – идти стало легче. Однако густые кусты и многочисленные озерки, рождённые весенним талым снегом, надо было обходить. Проваливались в топь, вытягивали друг друга. Успокаивало то, что оккупанты прекратили преследование.

Более трех часов барахтались Борис и Мария в этом страшном болоте. Наконец выбрались на материк.

Руки и одежда в грязи. На ногах – тяжеленная, густая болотная гуща.

Сняли сапоги, вытряхнули из них грязь, выжали портянки.

– Знаешь, Мария, я уже думал, что пришёл конец нам, – сказал Борис. – Где теперь наши? Что с ними?..

Борис и Мария торопливо шагали листовным лесом. Кругом было тихо.

Поисковая группа, соблюдая все меры предосторожности, прошла по пути, по которому отходил взвод, но Бориса и Марию так и не нашли. Решили пройти ещё дальше.

Вдруг Булко, шедший первым, остановился, прошептал:
– Тихо!

Впереди слышался негромкий разговор.

– Немцы, – прошептал Коломыйцев. – Надо посмотреть.

– Я посмотрю, – тихо сказал Булко. – А вы пока не обна-
руживайтесь.

То была немецкая похоронная команда – занималась по-
гребением солдат, погибших от пуль партизан.

Шпрыгов подмигнул:

– Ну, что ж! Надо им помочь похоронить побольше.

Укрывшись за стволом толстой сосны, Шпрыгов проце-
дил: « Да-а-вай! Круши!». Вскинул ручной пулемёт, дал длин-
ную очередь по фашистам. К пулемёту присоединились авто-
маты и винтовки.

Несколько солдат взмахнули руками, упали навзничь.
Остальные кинулись врассыпную.

– А теперь – уходим! – крикнул Шпрыгов.

Хлестнули запоздалые выстрелы. Партизаны, ушедшие
молодым ельником, уже были вне видимости.

Минут через десять немного передохнули...

И только у Ратмировичей поисковая группа Шпрыгова
встретила Бориса и Марию, мокрых, по уши в грязи, но с жи-
вым блеском в усталых глазах.

– Как же вы выбрались из болота? – удивился Булко.

– Богу молились! Вот и вылезли, – отшутился Борис.

– Нет уж! Кто-кто, а Бог как раз нам и не помог, – сказала
Мария и тут же свалилась от усталости. Засыпая, успела сказать
слабым голосом:

– Ты, Борис, мне помог! Вот кто бог! И вообще – сами
выбирались.

Было уже за полночь, когда взвод Кучутуры в полном со-
ставе вернулся в отряд.

На следующий день связные сообщили: *«Вчера на дороге
Качай-Болото–Протасы было уничтожено двадцать два гитлеровца.
Несколько солдат ранено».*

Засада на «варшавке»

При мирриадах звёзд и яркой луне группа партизан под
командованием Александра Шуева вышла из лагеря на задание.
Предстояло разрушить участок телефонной линии, что шла
вдоль «варшавки», а затем устроить засаду на самом шоссе.

Глухими лесными тропами привёл Шуев бойцов к шоссе, туда, где столбы линии связи подходили близко к обочине. Уничтожив около километра проводов, тут же залегли в засаду в придорожных кустах, что в метрах сорока от шоссе. До рассвета ещё было далеко, и Шуев разрешил бойцам немного поспать. Те наломали еловых веток, устроились.

И хотя немцы ночью не разъезжают, всё-таки надо было ухо держать остро.

На рассвете со стороны Глуши раздалась пулемётные очереди. Затем послышалась дробь мотоцикла, и вскоре на шоссе вырвался мотоцикл с коляской. Сидевший в коляске солдат держал пулемёт на изготовку.

Мотоцикл, немного не доехав до места обрыва связи, приостановился, и затем, помчал с бешеной скоростью. Пулемётчик стал обстреливать придорожные кусты – то справа, то слева. Доехав до конца обрыва связи, мотоциклист резко сбросил скорость, развернулся и снова на большой скорости помчался обратно. Пулемётчик продолжал обстреливать кусты.

С головы у Дмитрия Ракова сорвало фуражку. Кирадун поднял её, осмотрел и сказал:

– Чуть бы пониже...

Мотоцикл скрылся за дальним поворотом.

– Напрасно пропустили мотоцикл, – с сожалением сказал Царик.

– Думаю, они устанавливали место обрыва и наличие засады, – отозвался Шуев. – Теперь будем ждать связистов.

И действительно, через каких-то полчаса на шоссе появился грузовик с кузовом, обтянутым брезентом.

– Стрелять только по команде! – предупредил Шуев.

Водитель вёл машину неторопливо, настороженно, вглядываясь в придорожные кусты.

Грузовик приблизился к месту засады, остановился. Из кабины вылез толстый низкорослый фельдфебель, за ним – водитель. Из кузова выпрыгнули солдаты с двумя катушками проводов, сгрудились на обочине дороги. Фельдфебель стал давать какие-то указания.

И как только солдаты были готовы разбежаться, чтобы выполнять указания своего командира, Шуев скомандовал:

– Круши!

Один из бойцов, широко размахнувшись, метнул в середину группы гранату...

Четверо солдат остались лежать на месте, остальные бросились к машине.

– Огонь! – крикнул Шуев.

И уже через трескотню пулемёта и винтовочных выстрелов раздалась еще одна команда:

– Вперёд!

С криком «ура!» бойцы бросились к машине.

Схватка была короткой. Четырнадцать фашистов нашли себе могилу здесь, на шоссе.

Засада на шляху Бобруйск – Паричи

Полицейский гарнизон, что стоял в Паричах, усиленно готовился в составе карательного отряда выступить для уничтожения отряда Храпко.

О предстоящей карательной акции отряд предупредили бобруйские подпольщики. Им стало известно, что на 16 мая 1942 г. немцы вызвали полицейское начальство района в Бобруйск на совещание – обсудить окончательно предстоящую операцию против партизан.

Командование отряда решило перехватить заговорщиков в тот момент, когда они будут возвращаться в Паричи с документами предстоящей операции.

Группа отряда из 19 человек под командой Александра Шуева затемно вышла из лагеря и, пройдя глухими тропами за ночь 25 км, на рассвете подошла к шляху Бобруйск – Паричи на место засады.

Разобрали дорожный мост, брёвна отнесли в лес и замаскировали. Установили пулемёты. Стали ждать.

Ждали три дня и три ночи, на четвертые сутки, 21 мая, партизаны уже было собирались сниматься с места, как дозорные заметили автофургон...

У разобранного моста машина резко остановилась.

Шквальным огнём партизаны ликвидировали всё паричское начальство: военного коменданта, начальника СД, начальника жандармерии, бургомистра и начальника полиции. Всего было уничтожено 17 немцев и 8 полицаяев. Взяты трофеи: один ручной пулемёт, пять французских карабинов, пистолеты.

Но главное, захватили документы: сведения об отряде (численность, вооружение, характеристики командиров), списки партизанских семей по деревням, карту местности.

Да, против отряда Храпко готовилась серьёзная акция. Но связка «партизаны-подпольщики» работала чётко.

Эту операцию командование отряда считало образцовой и в последующем не раз этому опыту обращалось перед отправкой новых засад.

И ещё. В операции участвовали люди, которые через полгода-год поведут других за собой: три будущих командира партизанских отрядов – Царик, Шпрыгов, Щербич; два будущих комиссара отрядов – Линчук и Тасминский; будущий начальник штаба бригады – Романов; будущий заместитель комиссара бригады по комсомолу – Харламов; будущий командир роты – Шуев; отважные бойцы Гадымов, Корн, Пелагейко, Селезнев, Тарасевич – за ними уже шла громкая слава.

Вернувшись в отряд, Шуев вручил комиссару Голодову трофейное желтое кожаное пальто, снятое с бургомистра Парич. А отрядного радиста Женю Саенкова товарищи порадовали аккумуляторами, снятыми с машины.

Засада на шляху Бобруйск – Глуск

Летом 1942 г. группа партизан под командованием комиссара Голодова сделала засаду на шляху Бобруйск – Глуск.

Со стороны Глуска появилась легковая автомашина. Она шла на большой скорости. Дружный ружейный залп и длинная очередь Якова Романова из ручного пулемёта, казалось, не причинили вреда: машина, набрав скорость, исчезла за поворотом. Голодов посчитал засаду неудачной, но через три дня подпольщики из Бобруйска сообщили, что в той машине ехал немецкий генерал, он был убит, но шофер, хотя и был ранен в руку, сумел довести машину до ближайшего немецкого гарнизона.

Засада на дороге Козловичи – Глуск

27 июня 1942 года. В лагерь отряда прискакал разведчик, сообщает: в Козловичах появились до полусотни карателей, и, якобы, они намереваются идти в Крюковщину – расправиться с жителями за их связь с партизанами.

– Ну что, комиссар, – сказал, обращаясь к Голодову Храпко, – пришла пора исполнить наше обещание защитить жителей Крюковщины.

Отряд форсированным маршем направился к дороге Козловичи – Глуск. Прибыли вовремя: гитлеровцы ещё не вышли из Козлович.

Три взвода расположились на опушке так, чтобы дать бой карателям, если те пойдут на Крюковщину, и отсечь им путь обратно в Козловичи при отступлении.

Отдельно от этих трёх взводов, на правом фланге занял позицию взвод Инюточкина, его задача – не допустить прорыва карателей на этом фланге.

В десять часов каратели в колонну по два вышли из Козлович к дороге и теперь следуют в сторону Крюковщины.

Как только колонна вытянулась на дороге у места засады, последовала команда: «Огонь!».

Первый ряд карателей как подкошенный свалился на дорогу. Остальные бросились вправо, но и оттуда по ним ударила правифланговая засада партизан. И не давая противнику принять боевой порядок, партизаны с криком «ура!» поднялись в атаку.

Враг бежал, оставив на дороге до двадцати трупов.

Дерзость, смелость, решительность предопределили успех боя, и, как результат, были спасены от кровавой расправы жители Крюковщины и Козлович.

Итоги полугодия

Комиссар Голодов собрал политруков рот, подвёл итоги первой половины 1942-го:

– Товарищи комиссары! Обстановка меняется – и в нашу пользу! До недавних пор позиция значительной части жителей деревень была выжидательной. Мужик надеялся, что Красная Армия вот-вот вернется и без него разберется с супостатом. А затем, когда немцы стояли у стен Москвы, а на оккупированной территории царил террор карательных отрядов, сельчане, стремясь выжить, старались хотя бы на время уклониться от участия в большой бойне, избегали столкновения с оккупационными властями. А немцы всячески старались поддерживать у них (да и у горожан, сам по Бобруйску знаю) иллюзии относительной безопасности в случае отсутствия сопротивления, на-

дежду на возможность приспособиться к жизни при «новом порядке». Теперь же, когда в полной мере проявился звериный облик оккупационного режима, и особенно после победы Красной Армии под Москвой, желание сельчан и горожан любой ценой избавиться от оккупантов выражается особенно заметно. И мы должны идти им навстречу... Мы ещё отомстим врагу за наши поражения в сорок первом. Напоминайте селянам, что их родственники и друзья, не щадя жизни, сражаются на фронтах, борются в партизанских отрядах. Убеждайте: «Победа будет за нами!..»

